

ЧЕМУ УЧИТ СКАЗКА? (О российской ментальности)

Закрытая до недавнего времени тема «национальной ментальности» в последние годы приобрела не только самую широкую популярность, но и особое звучание для России, ищущей свое место и свой путь развития. Среди огромного количества публикаций, относящихся в лучшем случае ко всякого рода околонучной публицистике, а в худшем – написанных в жанре «как бог на душу положит», все большую роль начинают играть серьезные академические исследования, связанные с созданием отечественной традиции изучения национальной ментальности. Необходимость и своевременность такой работы сама по себе не вызывает никаких сомнений, вопрос стоит о конкретной форме и содержании этого процесса.

Методологическая прелюдия. Первый необходимый шаг при разработке любой целостной концепции – *выбор угла зрения*. Таким углом зрения нам кажется принятое в современной этнопсихологии противопоставление двух подходов – emic- и etic-подходов. Различия между ними заключаются в той роли, которая отводится культурному многообразию.

В emic-подходе особое внимание уделяется «нам», а «они» существуют в первую очередь для того, чтобы оттенить уникальность и неповторимость «нас». Можно сказать, что «они» – это «оправа» для оттенения красоты «алмаза» нашей самобытности. Все это вовсе не означает, будто собственная культура не сравнивается с другими, но такие сравнения делаются лишь после досконального изучения этнокультурных переменных на уровне той этнической общности, к которой принадлежит сам исследователь.

В etic-подходе «они» существуют для того, чтобы определить «наше» с «ними» соотношение, «нашу» вписанность в «их» ареал. Речь может идти о том, насколько красота нашего «алмаза» соответствует окружающей «оправе». Предметом изучения при etic-подходе являются сходство и различие психологических переменных в различных культурах и этнических общностях.

Возвращаясь к проблемам национальной ментальности, отметим, что чем больше такое исследование направлено на сопоставимость данных в международном контексте, тем больше в нем будет от etic-подхода. И наоборот, чем больше нас будет волновать детальное изучение специфики той или иной конкретной национальной ментальности, тем больше будет от emic-подхода¹.

Вторым шагом будет являться *выбор методики*, посредством которой предполагается изучать выбранный объект исследования. В начальный период изучения национального характера использовались только качественные подходы (особой популярностью на первых порах пользовались путевые заметки и впечатления иностранцев, посещавших другие страны). Начиная со второй половины XX века, науки об обществе становятся точными науками, опирающимися на количественные данные конкретных исследований.

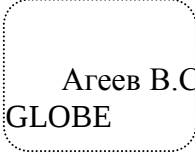
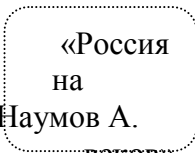
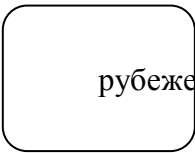
Emic-подход и etic-подход, с одной стороны, и применение качественных или количественных методик, с другой стороны, дают нам четыре возможных варианта развития отечественной традиции изучения ментальности.

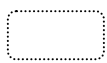
Каждый из этих четырех вариантов может представлять собой использование наработок, позаимствованных за рубежом (это более простой и проторенный путь) или самостоятельно созданных российских ученых (см. Таблицу 1).

¹ Само собой разумеется, что практически в любом современном исследовании есть и emic-подход, и etic-подход. Речь может идти лишь о некоем преобладании одного над другим. По сути же etic-подход есть развитие emic-подхода: выделив универсальные (etic) категории, необходимо проанализировать их с помощью специфических для каждой культуры (emic) методов и только затем сравнивать, используя etic-подход.

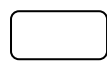
Таблица 1

Типология методов изучения национальной ментальности

	Etic-подход		Emic-подход	
качественные методики			«Советский простой человек» 	
количественные методики	Агеев В.С. GLOBE 	проект 	«Россия на рубеже веков», Наумов А. Сикевич З.В. 	рубеже

- российские методики

рубежные методики

Полученная нами таблица (матрица методов этноментальных исследований) показательна в двух отношениях. Во-первых, очень хорошо видны «белые пятна» в области сравнительных исследований (etic-подходов). Выходя на международную арену, Россия пока больше озабочена своей собственной неповторимостью (с одной стороны, это попытки восстановить потерянное на мировом уровне влияние, а с другой, - не дающий нам спокойно спать мессианиззм), чем вписанностью в окружающий мир. Причем, хотя используемые методики и не являются калькой с зарубежных аналогов (использование основ контент-анализа и семантического дифференциала мы не рассматриваем как заимствование), но и ничего специфически оригинального в этой области тоже пока не создано. Во-вторых, бросается в глаза малое количество совместных исследований (именно они могли бы существенно пополнить содержание квадратов «зарубежных методик»), что, к сожалению, свидетельствует о периферийности отечественной науки.

Частично ситуация могла бы измениться, если бы больше внимания уделялось поиску своих собственных корней не в плане концентрации на самобытности России, а в плане использования оригинальных отечественных методологических наработок. Речь идет о трудах русских философов конца XIX – начала XX веков, когда широкое развитие получило литературно-полемическое направление в изучении российской национальной ментальности. Именно они первыми в истории отечественной мысли дали целостное философско-социологическое, культурно-историческое и национально-психологическое осмысление феномена российской межэтнической общности. Необходимо, конечно, оговорить, что работа, проделанная ими [Н. А. Бердяев. 1990, 1992, 1999; Н. О. Лосский. 1957; С. Н. Булгаков. 1993, 1997; Б. П. Вышеславцев. 1995; И. А. Ильин. 1993; Г. Г. Шпет. 1996.], больше напоминает скрупулезное (с присущим русским людям самокопанием и самобичеванием) изучение скорее самих себя как типичных представителей русской интеллигенции «серебряного века», чем окружающей их социальной действительности. К самому факту развития русской этнопсихологии как саморефлексии российской философствующей интеллигенции можно относиться по-разному, но абсолютно бесспорно, что эти российские мыслители с точки зрения методологии во многом обогнали свое время. Они не были практиками хотя бы потому, что массовые исследования в то время были просто невозможны, но зато были гениальными теоретиками, чисто интуитивно во многом предвосхитившими будущие методы этнопсихологии (изучение стереотипов, контент-анализ и даже кросс-культурные исследования).

Среди тех, кто закладывал основы методологии и подходы к изучаемому феномену, нас привлекли идеи двух философов - С. Н. Булгакова и Б. П. Вышеславцева – идеи, органично взаимодействующие друг друга и предлагающие методику, вполне приемлемую и в современных условиях.

Говоря об отражении русского национального характера в работах философов «серебряного века», сразу хотелось бы отметить, что поставленные проблемы получали зачастую сходное решение у разных авторов. Вся разница заключалась, как правило, не в содержании материала, а в его подаче. Несколько более оригинальным, чем у других философов, являются замечания о нацио-

нальном характере русских, сделанные Б. П. Вышеславцевым (1877 – 1954). Русский человек безволен, боится труда, постоянно стремится куда-то «за тридевять земель», но скромен и самокритичен. Такая нестандартность стереотипов объясняется тем, что, в отличие от большинства своих современников, он использует не метод саморефлексии, а идет через изучение «снов народа», через сказки, которые, по его мнению, выражают глубинные пласты психики нации, отображая свойства национального характера, создавшего их народа. Герои сказок – это своего рода типические представители нации, воплощающие в себе ее достоинства и недостатки.

Одна из интереснейших мыслей С. Н. Булгакова – присутствие национального колорита в трактовках одних и тех же сюжетов у разных народов. Правда, в подтверждение этого он приводит чисто религиозные сюжеты [Булгаков С.Н. 1993. С. 452 – 453.]. По его мнению, даже то, что по содержанию интернационально, общечеловечно, все равно имеет национальную форму. «Единое благовестие каждый слышит по-своему, в переводе на язык своей национальной души, и отзывается на него тоже по-своему» [Булгаков С.Н. 1993. С. 456.].

Итак, Б. Вышеславцев берет для изучения только народные сказки, но нам представляется, что методика изучения национального характера будет настолько же плодотворна и при работе со сказками авторскими, да и вообще с национальной художественной литературой. А соединение подхода Б. Вышеславцева с идеей С. Булгакова о разном прочтении одного и того же сюжета у разных народов дает нам метод сравнительно-сопоставительного анализа книг на один и тот же сюжет у разных народов. Этот метод мог бы восполнить пробел в квадрате на пересечении Etic-подхода и качественных методик.

Две книги – один сюжет – две системы ценностей. Выбор пары произведений для сравнительно-сопоставительного анализа напрашивается сам собой. Кто не помнит с детства любимых героев Александра Волкова – Страшилу, Железного Дровосека, Элли и Трусливого Льва? Вряд ли сейчас для кого-либо является тайной, что такие милые, родные всем нам герои вовсе не были придуманы самим Волковым, а были им творчески позаимствованы у американца Френсиса Баума. Таким образом речь в данном случае пойдет об американском цикле о стране Оз, написанной Л.Ф. Баумом, и его свободном пересказе (а во всех остальных книгах, кроме первой, - о независимом продолжении), сделанном нашим соотечественником А. Волковым. При этом методе содержание текста определяется как совокупность имеющихся в нем сведений, оценок, объединенных в некую целостность единой концепцией, замыслом. Такой анализ документов имеет дело с текстом, но ориентирован он, прежде всего, на изучение реальности, стоящей за текстом. Особо подчеркнем, что внетекстовой реальностью являются не только события, факты, человеческие отношения, отраженные в тексте, но и принципы отбора материалов при подготовке текстов. Другими словами, для исследователя может быть в равной степени важно и то, что вошло в содержание текста, и то, что оказалось вне его рамок.

Итак, Александр Мелентьевич Волков, будучи высокообразованным человеком и уже имея два высших образования, в 1936 году начинает изучать английский язык. Среди английских книг ему попала и книга Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz». Пересказ был выполнен А. Волковым необычайно быстро — чуть более чем за две недели. Книга получила название «Волшебник Изумрудного города». Волков ввел новые главы: «Элли в плену у Людоеда», «Наводнение». Главы «Встреча с воинственными деревьями» и «Очаровательная фарфоровая страна» были Волковым выброшены. Многим героям Волков дал имена (Дин Гиор, Кагги-Карр), вставил новые эпизоды (подготовка восстания у Бастинды), а некоторые старые убрал (например, рассказ Короля летучих обезьян об истории Золотой шапки).

За первой книгой (1939 год) последовало еще пять, последняя из которых вышла в 1985 году. У сериала А. Волкова (как и у «озовского» цикла Баума) нет сюжетного финала. Смерть автора не позволила читателям узнать окончания понравившейся сказки.

Каково же содержание этих двух циклов?

Главные персонажи Баума — Страшила (в некоторых переводах — Болваша), Железный Дровосек и Трусливый Лев. У каждого из них было свое заветное желание, осуществление которого сделало бы их, как они думали, личностями, достойными уважения. Страшиле не хватало ума, Железному Дровосеку — сердца, а Трусливому Льву — храбрости. В финале «Волшебника страны Оз» каждый из них получает от Великого Обманщика желаемое, но в мнимой форме: Гудвин не может совершать настоящие чудеса и потому он набивает голову Страшилы иголками,

вкладывает в грудь Дровосека тряпичный мешочек и угощает Льва валерьянкой. Но желания друзей на самом деле исполняются — происходит «обыкновенное чудо», не требующее вмешательства сверхъестественных сил.

В книге Баума есть примечательный эпизод, который у Волкова выпал. После ухода доверчивых друзей Волшебник думает: «Разве обойдешься без обмана, если просят о заведомо невыполнимом?.. Несложно было сделать их счастливыми — они, поверив, что я всемогущ, дали волю собственному воображению». На весь сюжет сказки бросается новый свет — читатель догадывается, что главную победу герои одерживают не над своими врагами (злыми волшебниками и т.д.), а над самими собой, над своими собственными страхами (над своими комплексами, как подумал бы взрослый читатель). Различные опасности и приключения становятся, таким образом, оселком, о который обтачиваются их характеры. Мы приходим к выводу, что главным идейным содержанием «Волшебника страны Оз» является тема нравственного совершенствования — одна из главных тем в мировой детской литературе.

Рассмотрим теперь идейное содержание книг Волкова. «Волшебник Изумрудного города» отличается от «Волшебника страны Оз» в минимальной (в сравнении с другими книгами серии) степени. Часто Волков сбивается даже не на пересказ, а на перевод. Главное идейное содержание этих книг поэтому не может не совпадать (хотя, убрав приведенное выше замечание Гудвина, Волков несколько ослабил основную идею книги). Важно, однако, указать, что уже в первой сказочной повести Волкова можно найти много относительно мелких деталей, которые в своей совокупности дают книге определенную идейную направленность, вовсе не совпадающую с исходными идеями Баума.

Отличия начинаются с самой первой главы. У Баума Канзас описан как иссушенная солнцем серая безрадостная равнина (контрастом которой становится многокрасочная страна Оз); Волков подчеркивает, что Канзас — родина Элли и поэтому не может ей казаться унылой. В сюжете Волкова заметно меньше случайностей: домик Элли убивает Гингему благодаря «целенаправленному констролдовству» Виллины; следуя пророчеству волшебной книги, Элли сознательно берет с собой в дорогу три существа, которым она должна помочь; и т. д.

Компания Элли отличается заметно более высоким чувством товарищества, чем компания Дороти. После катастрофической переправы через реку Дороти вместе с Дровосеком и Львом возвращаются к потерянной дороге и лишь случайно вновь находят потерянного посреди реки Болвашу. В свою очередь, в сцене на краю макового поля, когда друзья встречают королеву мышей, Болваша лишь после отчаянных размышлений догадывается попросить ее спасти уснувшего Льва (у Дровосека и Дороти в этой сцене мышление оказалось, похоже, еще более медленным). У героев Волкова, напротив, взаимовыручка действует как автоматический рефлекс. Едва они пристаю́т на плоту к берегу, как тут же спешат на помощь Страшиле; соответственно, и Страшила, встретив мышей, быстро просит их спасти Льва.

Наконец, если у Баума сюжет движется исключительно благодаря индивидуальным поступкам его главных героев, то у Волкова становятся заметными (правда, пока достаточно слабо) действия «народных масс». Это можно наблюдать в эпизодах, где действие происходит в царстве Бастинды. Попав в плен к злой колдунье, Дороти и Лев лишь строят планы побега; если бы Дороти случайно не облила колдунью водой, то они могли строить эти планы весьма долго. У Волкова Элли действует гораздо энергичнее и с помощью кухарки Фрегозы организует восстание слуг Бастинды. «Восстание назрело, — пишет Волков, — но тут непредвиденный случай привел к быстрой и неожиданной развязке». У читателя нет сомнений, что не подвернись Элли под руку пресловутое ведро воды, Бастинда все равно бы не сносила головы.

Не менее интересным для нас является и содержательное расхождение на уровне глав. Сразу заметно, что новые, введенные Волковым главы не просто разнообразят сюжет, а несут важную смысловую нагрузку. По сути, новая глава Волкова «Элли в плену у Людоеда» — это своего рода увертюра: уже здесь мы можем увидеть в миниатюре все будущие сюжеты. Здесь появляется первая «страшилка» (Людоед), и только что завязавшиеся дружеские отношения проходят проверку на прочность. Эту главу можно по праву считать отправной точкой для всего будущего цикла А. Волкова: она закладывает в его основу понятие «самоотверженность» («когда человек не жалеет себя для других», по словам Дровосека), причем без каких-либо раздумий или сомнений. Хотя, с другой стороны, здесь же появляется и понимание того, что ради коллектива можно пожертвовать

не только собой, но и другим (убийство пусть и злого, «вражески настроенного» Людоеда все же остается убийством – так и напрашивается сравнение «хороший враг – мертвый враг»). Культурную антитезу русской «самоотверженности» – готовность идти напролом, как слон в посудной лавке, – мы можем найти в выпавшей у Волкова главе «Очаровательная фарфоровая страна», в которой Баум выразил мысль о необходимости обязательно достигать своих целей, пусть даже причиняя при этом ущерб окружающим (хотя бы и минимально возможный).

Новая глава «Наводнение» не добавляет к общей идее А. Волкова ничего нового. Ее концептуальный смысл можно понять только при сравнении с книгой Л. Баума, так как именно эта глава заменяет собой главы «Встреча с воинственными деревьями» и «Очаровательная фарфоровая страна», убранные Волковым вообще. В целом впечатление от этой замены следующее: все, что не работает на идею сюжета, вполне может быть опущено или заменено на что-нибудь более подходящее. Эти замены отображают общую ориентацию книги А. Волкова на количество («повторение – мать учения») и книги Л. Баума на качество (чем больше необычного, тем лучше). Здесь прослеживается антитеза «идейная монолитность – идейная плюралистичность».

Наконец, при сравнительном сопоставлении текстов Л. Баума и А. Волкова привлекает внимание вполне самоценная история Летучих Обезьян. То, что эта история у Волкова выпала, не было бы странным (это своего рода «сказка в сказке»), если бы не тот факт, что никакие другие подобные эпизоды у Волкова не пропадали. Сама собой приходит мысль, что в этой истории должно быть нечто такое, что не укладывается в мировоззрение русского человека. И на самом деле, история примечательна тем, что рассказывает о наказании, которое понесли Летучие Обезьяны, решив однажды пошутить над прекрасным юношей – избранником могущественной принцессы. Юношу бросили посредине реки, вынудив его добираться до берега вплавь, в результате чего его одежда была безнадежно испорчена. Именно за это принцесса и приговорила Летучих Обезьян из рода в род выполнять желания владельцев Золотой Шапки. Вся эта история кажется красивой сказкой до тех пор, пока мы не задаемся вопросом: почему у Баума никто не замечает, что наказание Обезьян вопиюще несправедливо? Вот уже в течение по крайней мере трех поколений они постоянно выполняют по три желания очередных владельцев Золотой Шапки. Как ни парадоксально, но все это напоминает наказание за нанесенный материальный ущерб – какая-то прямо-таки «буржуйская мелочность», с русской точки зрения. По всей видимости, считая, что такой утилитаризм вряд ли придется по сердцу в России, А. Волков пошел по пути полного отказа от этой истории, так и не объяснив, почему вдруг Летучие Обезьяны обречены выполнять прихоти «шапковладельцев».

Таким образом, хотя основным содержанием книги Волкова остается (как и у Баума) тема нравственного самосовершенствования, способность творить настоящие чудеса, в ней заметно сильнее звучит тема дружбы и товарищества, а также возникают и темы совершенно новые — тема любви к родине, тема коллективной борьбы за свободу, и др. (см. Таблицу 2).

Когда Волков решил продолжить «Волшебника Изумрудного города», то идейные отличия его произведений от книг Баума стали еще сильнее.

Таблица 2.

Коннотационные различия в текстах А.Волкова и Л.Баума

<i>Смысловые единицы</i>	А. М. Волков	Л. Ф. Баум
Любовь к родине	Канзас — родина Элли и поэтому не может ей казаться унылой.	Канзас описан как иссушенная солнцем серая безрадостная равнина (контрастом которой становится многокрасочная страна Оз).
«Индивидуализм – Коллективизм» на уровне малой группы.	Едва они пристают на плоту к берегу, как тут же спешат на помощь Страшиле.	После катастрофической переправы через реку Дороти вместе с Дровосеком и Львом возвращаются к потерянной дороге и лишь случайно вновь находят потерянного посреди реки Болвашу.
	Страшила, встретив мышей, быстро просит их спасти Льва.	На краю макового поля, когда друзья встречают королеву мышей, Болваша лишь после отчаянных размышлений догадывается попросить ее спасти уснувшего Льва.
«Индивидуализм – Коллективизм» на уровне социальной общности.	Элли действует гораздо энергичнее и с помощью кухарки Фрегозы организует восстание слуг Бастинды. Не подвернись Элли под руку пресловутое ведро воды, Бастинда все равно бы не сносила головы.	Попав в плен к злой колдунье, Дороти и Лев лишь строят планы личного побега. Если бы Дороти случайно не облила колдунью водой, то они могли строить эти планы весьма долго.
Ориентация на других – ориентация на себя.	Демонстрация «самоотверженности» («когда человек не жалеет себя для других») при встрече с Людоедом.	Необходимо в первую очередь достичь свои цели, причинив при этом минимум ущерба – ориентация Дороти и ее друзей при встрече с фарфоровой страной и ее хрупкими обитателями. необходимо в первую очередь достичь свои цели, причинив при этом минимум ущерба
Количество (идейное единобразие) - качество (идейная плюралистичность)	Постоянное повторение на микро- и макроуровне одного и того же сюжета.	Многообразие сюжетов, описанных стран, персонажей.

Два сериала – два мира. Так как книга Волкова все-таки не является самобытным произведением, то удостовериться в правильности наших выводов поможет сравнение продолжений первой книги, предложенных и Баумом, и Волковым. Ценность данного сравнения в том, что эти тексты

уже никак не связаны между собой (кроме наличия одних и тех же действующих лиц), что даст нам возможность не только проверить правильность предыдущих выводов, но и углубить сам анализ, не боясь того, что какие-то из выделенных характеристик могут являться заимствованием. Для этого мы 1) возьмем те же самые смысловые единицы, что и в первых книгах, и посмотрим на их наличие в продолжениях, а также 2) рассмотрим идейное содержание продолжений, которое в принципе присутствовало в «скрытом» виде еще в первых книгах, но получило развитие только в последующих.

Достоинства идейного содержания сериальных изданий связаны с длительностью сериала, как правило, обратной зависимостью. Когда Баум стал «придворным историком страны Оз», то каких-либо новых идей в его книгах не появилось, да и старые не получили особого развития. Блистая сюжетным разнообразием, его книги заметно потеряли в идейном содержании.

При этом мотив борьбы добра со злом присутствует во всех сказках Баума, но не стоит в центре сюжета. Враги героев Баума выглядят достаточно устрашающе. Это — и колдунья Момби, и Король Гномов. Но эти злодеи страшны только на первый взгляд, а при ближайшем с ними знакомстве оказывается, что «не так страшен черт, как его малюют». Во второй книге Баума справиться с врагом помогает добрая волшебница Глинда. В дальнейшем положительные герои со своими врагами справляются сами, а при случае они могут помочь и своим друзьям. Отличает книги Баума и то, что способ борьбы с врагами не надо специально искать, он как бы сам объявляется в нужный момент. И сделать это можно, например, при помощи самого простого куриного яйца.

Проблемы каждого героя, что важно, не становятся достоянием «широких масс». Каждый привык справляться с ними самостоятельно. Попавшему в затруднительное положение герою друзья могут помочь, но отнюдь не сделать работу за него. Именно такова основная идея предпоследней книги Баума «Волшебство страны Оз». Дороти здесь мучается от того, что не может придумать подарка для Озмы. Глинда дает ей совет, но о подробностях отвечает: «Если я скажу тебе, это уже будет не твой, а мой подарок Озме». Свои проблемы каждый привык решать сам. Пожалуй, книги Баума можно назвать историями о развитии свободного индивидуума — «равного среди равных».

В книгах Волкова можно разглядеть другую тенденцию. При относительном постоянстве сюжета у него происходит варьирование некоторых повторяющихся мотивов. Действительно, почти все его книги используют одну и ту же сюжетную схему: Волшебной стране грозит опасность (антиправительственные мятежи Урфина Джюса, козни злой волшебницы Арахны, нашествие захватчиков-инопланетян) — из Канзаса на помощь приходит Элли (или Энни) с кем-то из своих друзей (Чарли Блеком, Тимом О'Келли, Фредом Каннингом) — враг разбит, в Изумрудной стране вновь воцаряется мир и спокойствие. Единственным (и весьма удачным) исключением стала книга третья — «Семь подземных королей», где не Элли спасает жителей страны, а, наоборот, жители Волшебной страны спасают ее. Такое повторение могло бы производить впечатление монотонности, если бы не прекрасный стиль автора.

Рассмотрим теперь сложившийся у Волкова стандартный набор идей, которые он вкладывает в эту устоявшуюся сюжетную схему. Наиболее общей его идеей — общей для всех книг Волкова, роднящей их с сериалом Баума, — остается идея «обыкновенного чуда». Хотя действие происходит в Волшебной стране, но из опасных ситуаций герои спасаются благодаря, в первую очередь, сообразительности и смекалке, своим знаниям, своей дружбе и взаимовыручке. Победу над дуболомами приносит сконструированная Чарли Блеком пушка, пересохший источник в Стране рудокопов «ремонтируют» с помощью механического бура, решающий бой с воинственными марранами выигран благодаря матчу в баскетбол, злую волшебницу Арахну одолевает созданный Чарли Блеком настоящий боевой робот Тилли-Вилли (первая публикация сказки относится к 1970 году, тогда ещё «меха» как самостоятельный жанр не выделялся!).

При сходстве с Баумом здесь бросаются в глаза и существенные различия. У Баума спасение приносит обыкновенное куриное яйцо (а чаще всего его персонажи прекрасно обходятся лишь хитростью и смекалкой). У Волкова же «обыкновенные чудеса» носят явный отпечаток машинерии (одна из глав «Семь подземных королей» так и называется — «Механическое волшебство»). Лишь в последнем романе Волков отступает от этого принципа — победа над инопланетянами

одержана при помощи комбинированного воздействия волшебной усыпительной воды и изумрудов, которые тоже обладают, как выясняется, волшебными свойствами.

Если тема «обыкновенных чудес» до известной степени роднит книги Волкова с озовским сериалом, то все прочие компоненты идейного содержания этих книг весьма специфичны. На наш взгляд, основными элементами цикла о Волшебной стране, которые отличают его от книг Баума, выступают, во-первых, идея постоянной борьбы с врагами, во-вторых, идея коллективизма, безотказной дружеской взаимопомощи, и в-третьих, патриотическая идея.

Прекрасная Волшебная страна у Волкова постоянно осаждена внутренними и внешними врагами. Создается впечатление, что жители этой страны только и делают, что отражают происки различных врагов — ни на что другое у них времени просто не остается (по крайней мере, о других их занятиях Волков сообщает очень скупое). Сами же враги от книги к книге становятся все более и более ужасными: сначала — туповатые дуболомы, в «Огненном боге марранов» — воинственные марраны, затем — злая волшебница Арахна и, наконец, — завоеватели-инопланетяне. Можно даже вывести некоторую закономерность в появлении этих злодеев: нелюди-дуболомы — люди-марраны — сверхъестественная сила Земли — пришельцы из Космоса. В этой цепочке каждый новый персонаж сильнее и ужаснее предыдущего не просто количественно, но и качественно. Можно сделать вывод, что Волков волей-неволей должен был остановиться на шестом романе, ибо трудно придумать что-то более страшное и опасное, чем инопланетяне.

Единственная книга, которая выпадает из этого ряда, — «Семь подземных королей», где хотя и есть отрицательные персонажи (развращенные бездельем короли, Руф Билан), но нет врага в прямом смысле слова. Кроме того, если в других книгах отрицательные персонажи нападают, а положительные герои вынуждены защищаться, то в этой книге ситуация обратная: короли подземного мира пытаются (хотя и безуспешно) сохранить традиционный уклад своей жизни, в то время как положительные персонажи насаждают (конечно, со всеобщего одобрения) присущие им представления о социальной справедливости.

Книги Волкова вообще весьма обильно насыщены определенными социальными мотивами. Борьба за власть между Страшилой, Дровосеком и Урфином Джюсом рисуется не просто как противостояние законных правителей и узурпатора-захватчика, но как схватка «просвещенной монархии» (при которой правитель отличается от подданных лишь пышным титулом) и злобной тирании. Едва лишь Урфин Джюс захватывает власть, как начинает обирать местных жителей, организует вездесущую полицию и накладывает на дальние страны дань (в обмен на обещание защищать их от несуществующих врагов). Точно такие же требования о выплате дани предъявляет и Арахна (хотя к чему волшебнице-великанше жалкие плоды человеческих рук?). Эта тенденция достигает апогея в шестой книге, где захватчики-менвиты собираются обратить землян в рабов. У Баума в принципе не могло возникнуть ни такого разнообразия вражьей силы, ни социальной окраски борьбы добрых и злых героев — он писал в ином ключе.

Совершенно иначе изображает Волков и методы борьбы со злом. У Баума, как мы выяснили, каждый старается справиться с возникшими проблемами самостоятельно. В Волшебной стране происходит иначе: опасности здесь — одни на всех (каждый из врагов стремится покорить всю страну от края до края, и никак не меньше), соответственно, и борьбу с ними ведут не «герои-одиночки», а «мудрые вожди во главе широких народных масс». Если сравнить между собой все книги Волкова, то выясняется, что атмосфера постоянных вооруженных конфликтов серьезно изменила даже характер жителей Волшебной страны. В первых книгах многократно подчеркивается огромное миролюбие ее обитателей (единственные исключения — отсталые марраны и оторванные от мира рудокопы). Во время первого похода Урфина Джюса на Изумрудный город оборону держат лишь три человека (Страшила, Дин Гиор и Фарамант), после падения столицы окраинные страны без сопротивления признают власть узурпатора. Когда Урфин Джюс осаждает столицу во второй раз, то город обороняют (хотя и безуспешно) едва ли не все его жители поголовно, в стране Мигунов гарнизон марранов оказался быстро разбит (причем без всякой помощи извне), в стране Жевунов «экспедиционный корпус» захватчиков также потерпел поражение (рудокопы хотя и стали цивилизованными, но не потеряли воинских навыков). Наконец, ни Арахна, ни менвиты вообще не смогли захватить ни одного района, ибо везде получили сильный и дружный отпор. Двигателем сюжета неизменно выступает приезд девочки из Канзаса (сначала Элли, потом Энни), несущей жителям Волшебной страны счастье и освобождение. Однако чем дальше, тем в большей сте-

пени Волшебная страна, ставшая едва ли не единым военным лагерем, в борьбе со своими врагами опирается — и успешно — на свои собственные коллективные силы.

В заключение отметим, что в книгах Волкова звучит и идея любви к родине, которую в принципе нельзя обнаружить у Баума. Мы помним, что Дороти вместе со своей семьей, в конце концов, переселяется в страну Оз, где жить, конечно, гораздо легче и приятнее, чем в уныло-сером Канзасе. Элли-Энни, при всей ее любви к Волшебной стране, не допускает и мысли, чтобы навсегда остаться там. Выполнив свою «освободительную миссию», «ограниченный контингент» из Канзаса неизменно возвращается в родной край.

По нашему мнению, различия между «Волшебником страны Оз» и «Волшебником Изумрудного города» (вернее, между этими сериалами) вовсе не являются случайными и коренятся прежде всего в различии культурных традиций американца рубежа XIX—XX веков и русского человека советской эпохи. Чтобы объяснить нашу точку зрения, сформулируем на основе проведенного нами анализа те комплексы культурных стереотипов и ценностей, которые выражены в книгах Баума и Волкова.

Таблица 3.

Культурные стереотипы в книгах А. Волкова и Л. Баума

А.М. Волков	Л.Ф. Баум
В трудных ситуациях люди должны надеяться на самих себя	
Двигатель развития — борьба с врагами	Двигатель развития — нравственное совершенствование
Коллективизм, дружеская взаимопомощь	Индивидуализм, самостоятельность личности
«Патриотизм», стремление вернуться в родные края	«Космополитизм», стремление жить, где лучше
Самоотверженность, готовность жертвовать своими интересами	Готовность идти напролом, защищая свои личные интересы, хотя бы и в ущерб окружающим
Идейная монолитность («истина — одна!»)	Идейная плюралистичность («истин — много!»)

Книги, в которых отражается культура, и культуры, которые отражаются в книгах.

Часто используемое средство проверки надежности, достоверности содержащейся в документах информации и одновременно анализа их содержания — "внешнее" исследование документов. Внешний анализ — это изучение обстоятельств возникновения документа, его исторического, социального контекста. Так, зная истинное положение дел в соответствующей сфере жизни общества, конкретных областях, в районах страны, исследователь легко обнаружит тенденциозность в освещении отдельных проблем, поднимаемых некоторыми авторами документов. Таким же образом поступим и мы, объясняя сюжетные различия особенностями культуры, в которой жил каждый из авторов и которая определяет на бессознательном (ментальном) уровне то, что потом отражается в их творчестве².

² В связи с этим возникает и еще одна проблема: насколько правомерно переносить взгляды, высказанные Волковым, на российский социум и объявлять их частью русского менталитета. Здесь следует учесть, что мировоззрение любого

Когда мы приступаем к анализу принципиальных различий, противоположностей ценностных стереотипов в творчестве Баума и Волкова, то мы оказываемся перед крайне сложной проблемой: какие из них следует объяснять социальными причинами, а какие — различиями культурно-этническими? Культурная компаративистика как наука пока еще не «научилась» уверенно и четко отличать этническое от социального. Поэтому мы сознательно отказываемся от попытки развести эти элементы и в дальнейшем будем вести речь о едином — этно-социальном — комплексе различий мировоззрения Баума и Волкова.

Высокая оценка принципа «опоры на собственные силы» относится, очевидно, к самым общим культурным ценностям человеческой цивилизации. Более того, можно отметить, что этот культурный стереотип выражен тем сильнее, чем более развито общество. По своему содержанию он явно или потенциально атеистичен («на бога надейся, а сам не плошай!») и выражает осознание человеком себя как единственной в этом мире творческой силы.

Конечно, в разные исторические эпохи вера в «обыкновенные чудеса» получила и разные формы выражения. У Баума — это вера в находчивость и сноровку человеческого ума как такового, у Волкова — убежденность во всемогуществе созданной человеком техники. Можно отметить, что прославление «механических чудес» более ограничено, чем вера в творческие способности человека в целом. Однако позиция Волкова вполне объяснима тем, что он создавал свои книги в таком обществе, где индустриализм был возведен едва ли не в абсолют («догоним и перегоним США по выплавке стали», забывая, что техника в принципе не может заменить творческую силу человеческого разума). Баум же жил в обществе хотя и индустриальном, но как бы стыдившемся этой индустриальности (символом Америки тогда был, а отчасти остается и сейчас, не рабочий, а фермер). Таким образом, хотя принцип «опоры на собственные силы» имеет общечеловеческое значение, у Баума и у Волкова он трактуется несколько по-разному, что объясняется общественными различиями.

Одним из важнейших проявлений этого различия выступают принципиально разные подходы к проблеме источника развития. У Баума это — нравственное совершенствование, бой человека с самим собой; у Волкова — борьба с внешними врагами, которые постоянно злокозненно стремятся разрушить сказочную гармонию. Самое поверхностное сравнение отечественных и зарубежных авторских сказок говорит о том, что это не просто индивидуальные взгляды писателей, а именно этно-социальные традиции. Достаточно хотя бы вспомнить «Золотой ключик», «Трех толстяков», с одной стороны, и «Приключения Пинокио», «Малыша и Карлсона», с другой³.

Сравнение позволяет сформулировать следующий вывод. «Бороться с врагами», причем с врагами социальными, российская литература любит, как и следовало ожидать, в гораздо большей степени, чем литература зарубежная. Поэтому мы можем считать доказанным, что «врагомания» А. М. Волкова есть отражение общего стереотипа нашей культуры.

Следующая пара культурных противоположностей, которую мы видим, сравнивая творчество Баума и Волкова, — это «индивидуализм — коллективизм». Нет сомнений, что здесь мы имеем дело именно с различием этно-социальных культурных ценностей Америки и России. В качестве доказательства сошлемся на культурологические исследования профессора Токийского университета Нисибэ Сусуму [Нисибэ Сусуму. 1990.]. В его работах русская культура характеризуется как сочетание «взаимообусловленного индивидуализма» и «строгого коллективизма», американская — как сочетание «атомистического индивидуализма» и «гибкого (открытого) коллективизма». Иными словами, в России индивидуальное волеизъявление ограничено, индивид ориентируется на коллектив; напротив, американец ведет себя оригинально и независимо, склонен следовать скорее личным побуждениям, чем воле коллектива. Концепция Нисибэ Сусуму отлично

человека (в т.ч. и писателя) состоит, во-первых, из некоторых общечеловеческих норм, во-вторых, из ценностных норм, которые зависят от уровня социального развития общества и места в нем индивида, в-третьих, комплексом ценностных ориентаций, присущих той этнической общности, в которую он входит, и, наконец, некоторыми характерными особенностями, присущими данному индивиду как самоценной личности. Чем более величественно, исключительное творчество какого-либо деятеля культуры, тем большую роль в нем играют именно индивидуальные особенности, а также — общечеловеческие ценности. Напротив, литераторы среднего уровня, у которых индивидуальные черты выражены не сильно, отражают в своем творчестве в первую очередь именно этно-социальные стереотипы своей среды.

³ Широкое сравнение ценностей российской и западноевропейской детской литературы см. в статье: Латова Н.В. Как измерить сказку? (http://www.geocities.com/al_vl/university/stud_works/latova_1_0.htm)

объясняет многие характерные особенности книг Баума и Волкова. Сошлемся лишь в качестве одного из примеров на характерное высказывание Страшилы (Болваши) из «Страны Оз»: «По моему убеждению, — заявляет он, — никто так не заслуживает внимания, как оригинальная личность. А тот, кто зауряден, ...живет и умирает незаметно, что лист на дереве». В нашей культурной традиции такая тяга к обособлению из общего строя не поощряется, поэтому герои цикла о Волшебной стране так любят принимать коллективные решения.

Итак, сравнительно-сопоставительный анализ дает возможность выделить основные характеристики менталитета русского человека в сравнении с американским, а сказки о стране Оз и о Волшебной стране — это воистину волшебные зеркала, в которых отразились культурные ценности Америки и России; пристально глядя в них, мы лучше узнаем друг друга... и самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во Московского университета, 1990.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992.

Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО – Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1999.

Булгаков С. Н. Нация и человечество // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.

Булгаков С. Н. Расизм и христианство // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. М.: Наука, 1997.

Булгаков С. Н. Человечество против человекобожия // С. Н. Булгаков. Труды по социологии и теологии. В 2-х т. Т. 2. Статьи и работы разных лет. 1902 – 1942. М.: Наука, 1997.

Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2.

Вышеславцев Б. П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. № 6.

Грачев М. Менеджмент в «международной системе координат» // Экономические стратегии. 1999. № 2.

Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.

Ильин И. А. Путь духовного обновления // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1.

Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957.

Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.

Нисибэ Сусуму о культурной компаративистике // Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Часть 2. М.: ИНИОН, 1990. С. 8 – 18.

Россия на рубеже веков. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 2000.

Сикевич З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк). Учебное пособие. М.: Механик, 1996.

Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. Под ред. Ю.А. Левады. М.: «Наука», 1993.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб., 1996.